

Е.В. Александрова

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЧТЕНИЯ НАДПИСЕЙ ПИРАМИД САККАРЫ

В статье рассматривается проблема интерпретации древнеегипетских религиозных текстов, известных как «Тексты пирамид». Отмечая деформацию исходной структуры и функций текстов в процессе их восприятия европейской традицией, автор предлагает новый подход к интерпретации «Текстов пирамид» в рамках их культурного контекста.

Ключевые слова: «Тексты пирамид», царский заупокойный культ, погребальная практика Древнего Египта.

В данном исследовании речь идет о надписях, высеченных на стенах внутренних помещений пирамид египетских царей и цариц конца эпохи Древнего царства, воздвигнутых в некрополе Саккара. На данный момент известно 10 таких комплексов изречений, и они датируются периодом примерно с 2350 по 2100 г. до н. э.¹ Рассматриваемый памятник впервые был опубликован Г. Масперо в конце XIX в. под названием «Надписи пирамид Саккары»². Распространенное в настоящее время название «Древнеегипетские тексты пирамид» он получил в двухтомном издании К. Зете, выпущенном в 1908–1910 гг.³ Этот интереснейший источник до сих пор не стал в полной мере доступным не только для сравнительного изучения религий, но и для самой египтологии⁴, и причина этого, как нам кажется, в трансформации, которую он претерпел на начальном этапе восприятия его европейской наукой. Издание К. Зете, сформировавшее объект изучения в данной области, отличается от оригинала в двух существенных моментах.

Во-первых, отвергнув выбранный Г. Масперо принцип издания текстов каждой пирамиды в отдельности, К. Зете построено объединил аналогичные изречения всех пирамид в один квазиединный

текст. Негативный момент такого подхода М.Э. Матье отметила еще в 1947 г.:

В результате этого внимание дальнейших исследователей уже не направлялось на изучение текстов пирамид как единого памятника во всей его исторической конкретности и с учетом его реальной непосредственной функциональности⁵.

Во-вторых, для более точной передачи специфических для «Текстов пирамид» знаков К. Зете предпочел не типографский, а автографический способ записи. Для египтологии иероглифика является своего рода «рабочей» системой древнеегипетского письма: она используется в хрестоматийных грамматиках среднеегипетского языка А. Гардинера⁶ и Дж. Аллена⁷, в словарях⁸. В учебных и научных целях многие тексты транслитерируются из других систем письма в иероглифическую. В результате условная рукописная передача иероглифических знаков воспринимается как аналогичная стандартизированной типографской форме (как это происходит в европейских языках), и не придается должного значения существованию в Древнем Египте нескольких четко различавшихся по используемому материалу, технике начертания знаков и функции фиксируемых текстов систем письма. Иероглифика применялась в контексте религиозной практики, и само название «слова бога» (*mdw-nTr*) характеризует ее как средство общения с потусторонним миром⁹. Ее выделяет не только форма знаков, но и материал, на котором они высекались, – камень. Понятно, что в бытовых целях использовались и папирус, и глиняные черепки, причем система знаков, написанных от руки на этих материалах, значительно отличалась условностью своей формы от надписей, высеченных на камне. Употребление той или иной системы письма было неразрывно связано с функцией текста и тем самым явно на нее указывает.

С момента открытия «Текстов пирамид» и в дальнейшем в процессе издания они воспринимались как выполняющие основную функцию письменного текста – транслировать информацию. Так, именно издания Г. Масперо, К. Зете, А. Пьянкова¹⁰ и других¹¹ сделали надписи далеких и полуразрушенных пирамид Саккары доступными европейскому читателю. Казалось бы, проблема заключается только в том, чтобы перевести эти *надписи*, после чего они станут понятным *текстом*. Но дело в том, что сами по себе «Тексты пирамид» оказались в столь недоступном для читателей месте вовсе не по недоразумению. При своем естественном бытовании в условиях недостаточного освещения они вообще не могли быть прочитаны.

Следовательно, этим надписям невозможно приписать функцию трансляции информации – по крайней мере от человека к человеку. Это исключает и такую функцию записи сакрального текста, как стремление сохранить традицию после ее отмирания в живой устной форме (как это часто происходило в других культурах и в самом Египте более поздних эпох). В то же время их иероглифическая запись достаточно явно указывает на связь этих текстов с живой религиозной практикой и позволяет отнести «Тексты пирамид» к кругу памятников царского заупокойного культа, адресатом которого являлись умерший фараон и потусторонний мир богов.

Религиозный характер надписей в пирамидах Саккары также делает невозможным вольное перемещение фрагментов текста. Для древнего религиозного сознания проблема целостности является ключевой, что можно проиллюстрировать основной «интригой» мифа об Осирисе, расчлененном Сетхом, собранном Исидой и Нефтидой и воскрешенном Анубисом при помощи мумификации. Создание целостного памятника из жертвенных формул, гимнов и заклинаний, которые раньше объединялись ходом ритуала «здесь и сейчас», было вполне актуальной задачей для древнеегипетских жрецов. Если в нашей культуре компиляция воспринимается скорее как некое некритическое объединение разнородных частей (зачастую «шитое белыми нитками»), то это представление совершенно неприменимо к древнеегипетскому *сакральному* тексту. Важным фактором обеспечения целостности текста является его архитектурный контекст: монументальную иероглифику невозможно отделить от стен, на которых она высечена, в связи с чем приобретает значение не только линейная организация текста на отдельных стенах, но и соотношение этих поверхностей в рамках пространственных бинарных оппозиций север–юг, запад–восток и низ–верх.

В издании «Текстов пирамид» К. Зете связность текста была нарушена и на уровне отдельных поверхностей, поскольку одинаковые изречения были изданы параллельно с их первым появлением. Тем не менее очистительные изречения 23, 25 и 32, повторяясь несколько раз, входят в состав устойчивых последовательностей ритуальных текстов и являются своего рода разделителями между различными стадиями погребального обряда. Повторы такого рода, образующие своеобразную рамку, играют важную роль и в структурировании текстов внутри изречений, что можно показать на примере одного небольшого фрагмента (в нашем переводе) – изречения 223 по нумерации К. Зете, расположенного на восточной стене погребальной камеры.

Это изречение производит довольно пестрое впечатление, что вполне отражает состав и способ организации «Текстов пирамид».

Нам представляется, что проблема их целостности решалась не путем формирования стилистически единого текста, а благодаря включению различных фрагментов в рамку, составленную повторением фрагментов текста различного объема¹². В данном случае роль такой рамки выполняют обращения «О Унис!» и «О Унис! Поднимись!» (в нашем примере они выделены полужирным шрифтом и пронумерованы). При этом фрагменты внутри таких рамок в значительной степени сохраняют связь с другими сферами заупокойного культа, как царского, так и частного. В начале изречения междометия и указательное местоимение «это» (np), которые А.Л. Коцейовский переводит как «ухай, пляши, восклицай!»¹³, мы предпочли просто транслитерировать. Итак, наш перевод:

Изречение слов: *Уху! Их! Их!*

1. О Унис! Поднимись!

Сидение напротив «*тысячи в хлебе, тысячи в пиве*», жареного мяса, мяса с бойни, хлеба-итехет из зала-усехет

Обеспеченный в качестве бога «*жертвой, даваемой богом*», обеспечен[ный] Унис хлебом его этим

Пришел ты к *ба* своему, Осирис; *ба*, пребывающий среди *ахов*; могучий в местах своих; защитник девятки в Доме Старейшин

2. О Унис! Взойди! Явьсь! Не удаляйся от гробницы! Замкнись!

«*Дано тебе Око Хора*», вот тебе это. Да пребудет оно при тебе!

3. О Унис! Поднимись!

Обеспечен ты хлебом своим этим здесь

4. О Унис! Пребываешь ты в двери!

Квинтэссенцией изречения является его последняя фраза, вызывающая противоречивые толкования и по сей день. В начале XX в. А.Л. Коцейовский и Л. Шпелеерс переводили ее дословно: «Ты находишься в двери»¹⁴ («*tu es dans la porte*»¹⁵). При этом А.Л. Коцейовский комментирует данное выражение так: это «магическая формула, вселявшая дух покойного в фальшивую дверь»¹⁶. С появлением перевода К. Зете¹⁷ получает распространение гораздо более «натяннутая» с грамматической и лексической точки зрения интерпретация¹⁸, отраженная и в последнем переводе «Текстов пирамид» Дж. Аллена: «I will be an attendant for you» («я буду твоим помощником»)¹⁹.

Можно сказать, что это расхождение в переводах хорошо иллюстрирует разрыв между исследованиями «Текстов пирамид» и культуры Древнего Египта в целом, ведь «фальшивая» или «ложная» дверь, о которой говорит А.Л. Коцейовский, является хорошо известным предметом древнеегипетской погребальной практики.

Она представляет собой небольшую нишу в виде дверного проема в стене заупокойного храма или гробничной часовни. Двумя важнейшими элементами ее оформления являются изображение (в технике выпуклого рельефа) умершего, сидящего перед жертвенным столом, и список жертв (выполненный врезанными иероглифами). Стандартизованный список заупокойных жертв обязательно включал две части: в первой назывались персонажи, которые обеспечивают получение жертвы в ином мире (царь и боги); во второй перечислялись сами жертвы (материальные блага или благоприятные условия загробной жизни)²⁰. Обе части могут быть представлены с различной степенью детализации: к имени бога, «дающего жертву», иногда добавляются многочисленные эпитеты; «стандартный набор» жертв (хлеб, пиво, мясо, алебастровые сосуды и ткани) также может быть расширен²¹. Как показал А.О. Большаков, этот комплекс, объединяющий текст и изображение, являлся точкой соприкосновения земного и потустороннего миров²²; обозначение его словом «дверь» (*aA*)²³ отражает представление о проницаемости этой границы между мирами.

Именно этими элементами оформления ложной двери оперирует первый фрагмент рассматриваемого изречения. К изображению умершего перед жертвенником отсылает нас первая фраза: выражение «сидение напротив» выполняет ту же функцию, что и подписи к изображениям покойного (наблюдающего за работами) в гробничных часовнях²⁴. За ней следует формула (выделенная кавычками и курсивом), фигурирующая уже в египетских текстах как краткое обозначение заупокойных жертв – «тысяча в хлебе, тысяча в пиве» (*xA t t xA t Hnqt*). Обеспеченность «жертвой, даваемой богом» (*Htp di nTr*) далее резюмирует благополучное осуществление заупокойного культа в целом. Более распространенным вариантом этой формулы является «жертва, даваемая царем» (*Htp di nsw*): как стандартный зачин жертвенного списка она стала общим обозначением всего культа, связанного с ложной дверью. Касательно этого изречения М.А. Чегодаев замечает:

Перед нами – редчайшее для Египта словесное *описание* столь хорошо нам знакомого *изображения* покойного за жертвенным столом с тысячей хлебов, пива и т. д.²⁵

Во втором фрагменте употребляется еще одна формула, отсылающая нас уже к самому корпусу «Текстов пирамид» – к изречениям северной стены погребальной камеры. Данный блок наиболее тесно связан с заупокойным ритуалом, что ярко проявляется в его оформлении. Три регистра стены заполняют по преимуществу

краткие изречения (длиной в один столбец). Они начинаются формулой «Осирис-Унис, укреплено тебе Око Хора!», а завершаются перечислением приносимых жертв. Центральную часть изречений составляют различные интерпретации мотива утраты Хором своего Ока и его восстановления. Тем самым Око Хора соотносится с приносимыми жертвами и одновременно символизирует восстановление целостности Осириса и воскрешение отождествляемого с ним фараона. В изречении 223 употребляется формула «*дано тебе Око Хора*», связывающая его с текстами северной стены. Тем самым к списку приношений, маркируемых формулой «*тысяча в хлебе, тысяча в пиве*», присоединяются все приношения, упомянутые на северной стене. С другой стороны, формула «*жертва, даваемая богом*» символизирует весь заупокойный культ, получающий здесь соответствующую мифологическую интерпретацию.

Этот жертвенный ритуал основан на представлении о том, что через врезанные иероглифами в поверхность стены названия приносимых жертв слова жреца попадают «на ту сторону» границы между мирами и превращаются в реальные блага, которыми располагает покойный в ином мире²⁶. Начиная с III династии он заменил непосредственное обеспечение покойного погребальным инвентарем, который ранее заполнял многочисленные складские помещения в гробницах. С этой культовой практикой связана и ориентация погребений по оси запад–восток: это направление выхода покойного в «ложную» дверь для получения даров²⁷. На этой же оси расположено изречение 223, помещенное на восточной стене погребальной камеры. Оно находится в «сфере умершего», недоступной живым, и было связано с оформлением часовни пирамидного храма – в сфере, доступной людям. Жертвы, приносимые во время заупокойной службы в этой часовне, проникая через ту же «дверь» в мир иной, превращались в «Око Хора», подносимое Осирису. Это приводило к воскрешению фараона, повторявшемуся каждый день в рамках солярного цикла. Тем самым весь комплекс изображений и надписей в храмовой часовне вместе с текстами внутри пирамиды должен был одновременно изображать мир таким, как он есть и каким он должен быть, поддерживая его в этом идеальном состоянии.

Примечания

¹ The Ancient Egyptian Pyramid Texts / [Tr.] by James P. Allen. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2005. P. 1.

² Les inscriptions des pyramides de Saqqarah / Par G. Maspero. Paris: E. Bouillon, 1894. 458 p. Первоначально тексты были изданы в 1882–1893 гг. в журнале «Recueil

- de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes» (Paris. Vol. III–XIV).
- ³ Die Altägyptischen Pyramidentexte nach den Papierabdrucken und Photographien des Berliner Museums / Bearb. von Kurt Sethe. Bd. 1–2. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1908, 1910.
  - ⁴ *Большаков А.О.* Человек и его Двойник. Изобразительность и мировоззрение в Египте Старого царства. СПб.: Алетейя, 2001. С. 21.
  - ⁵ *Матве М.Э.* Тексты пирамид – заупокойный ритуал // Вестник древней истории. 1947. № 4. С. 372–373.
  - ⁶ *Gardiner A.H.* Egyptian Grammar: Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 3 ed. Oxford: Griffith Institute, 1957.
  - ⁷ Middle Egyptian. An Introduction to the Language and Culture of Hieroglyphs / By James P. Allen. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
  - ⁸ В словаре Р. Ханнига используется типографский иероглифический шрифт, в то время как другие авторитетные словари используют рукописную передачу той же системы знаков. См.: *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und erste Zwischenzeit. Mainz am Rhein: von Zabern, 2003; Wörterbuch Der Ägyptischen Sprache im Auftrage der deutschen Akademien / Hrsg. von Adolf Erman und Hermann Grapow. Bd. I–V. Unveränderter Nachdruck. Berlin, 1971; A Concise Dictionary of Middle Egyptian / By Raymond O. Faulkner. Oxford: Griffith Institute, 1991.
  - ⁹ *Большаков А.О., Суцеский А.Г.* Образ и письменность в восприятии древнего египтянина // Вестник древней истории. 2003. № 1. С. 51.
  - ¹⁰ The Pyramid of Unas / By Alexandre Piankoff. Princeton: Princeton University Press, 1968 (Bollingen Series XL: Vol. 5; Egyptian Religious Texts and Representations).
  - ¹¹ Les textes de la pyramide de Pépy Ier. Édition. Description et analyse / En collaboration avec C. Berger-El Naggar, J. Leclant, I. Pierre-Croisiau. Le Caire: L'Institut français d'archéologie orientale, 2001 (Mémoires de l'Institut français d'archéologie orientale 118 / 1–2).
  - ¹² В приводимом изречении эта рамка образована повтором короткой формулы «О Унис!», в то время как, например, в изречении 217 южной стены погребальной камеры ее образует фрагмент, превышающий по объему любое изречение северной стены того же помещения.
  - ¹³ Тексты пирамид. С. 162.
  - ¹⁴ Первая публикация: *Коцейковский А.Л.* Тексты пирамид. Одесса, 1917. См.: Тексты пирамид. С. 163.
  - ¹⁵ *Speleers L.* Les textes des pyramides égyptiennes. Bruxelles, 1923. P. 19.
  - ¹⁶ Тексты пирамид. С. 163.
  - ¹⁷ Перевод К. Зете выходил начиная с 1935 г.: *Sethe K.* Übersetzung und Kommentar zu den altägyptischen Pyramidentexten. 6 Bd. Glückstadt; Hamburg, 1935–1962.
  - ¹⁸ См.: *Чегодаев М.А.* Письменность и искусство: человек на границе миров // Искусство Востока. Вып. 3. Сравнительное изучение традиций. М.: URSS, 2008.

С. 307: «Он предположил такое прочтение фразы из четырех слов, которое одновременно предполагает два пропуска местоимений, одну хаплографию и нигде не зафиксированное значение слова “дверь” (aa) как “помощник”».

- ¹⁹ The Ancient Egyptian Pyramid Texts. P. 28.
- ²⁰ *Strudwick N.C.* Texts from the Pyramid Age. Leiden, 2005. P. 31–32.
- ²¹ Зачастую предметом просьбы служит также «выхождение голоса» (prt-xgrw), т. е. желание, чтобы кто-то прочел жертвенную формулу для покойного. См.: *Strudwick N.C.* Op. cit. P. 212: «...Жертва, даваемая Осирисом / да будет сделано для него произнесение жертв».
- ²² *Большаков А.О.* Указ. соч. С. 222.
- ²³ *Чегодаев М.А.* Указ. соч. С. 306.
- ²⁴ При издании текстов Древнего царства Н. Страдвик счел необходимым представить эти «подписи» (captions) отдельной группой. См.: *Strudwick N.C.* Op. cit. P. 47. Ср.: *Чегодаев М.А.* Указ. соч. Чегодаев подчеркивает: «Изображений без текстов в египетском искусстве практически не существует. <...> Более того, то что мы воспринимаем как изображение с подписанным именем, на самом деле было лишь очень большим детерминативом (иероглифом-определителем) к написанному имени» (С. 297).
- ²⁵ *Чегодаев М.А.* Указ. соч. С. 307.
- ²⁶ *Лаурентьева Н.В.* Иной мир в древнеегипетском искусстве: формирование изобразительной традиции и ее трансляция // Искусство Востока. Вып. 3. С. 278.
- ²⁷ *Bolshakov A.O.* Man and his Double. Wiesbaden, 1997. P. 28.